

**ДЖОНАТАН
КЕЛЛЕРМАН**

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ РОМАНЫ ДЖОНАТАНА КЕЛЛЕРМАНА:

Он придет

Анализ крови

Кости

Обман

Убийца

Дочь убийцы

Жертвы

Крушение

**ДЖОНАТАН
КЕЛЛЕРМАН**

АНАЛИЗ КРОВИ

**МОСКВА
2020**

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
КЗ4

Jonathan Kellerman

BLOOD TEST

© 1986 by Jonathan Kellerman

В оформлении переплета использованы фотографии:
© Cesar Dussac, Vibrant Image Studio / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Келлерман, Джонатан.

КЗ4 Анализ крови / Джонатан Келлерман ; [перевод с английского С. М. Саксина]. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с. — (Детективы профессора психологии).

ISBN 978-5-04-105962-0

Пятилетний Вуди опасно, смертельно болен. Но его родители не приемлют современной медицины и не дают спасти мальчика. Психолог Алекс Делавэр берется их переубедить. Слишком поздно — они выкрали ребенка из больницы и исчезли в сумраке городских джунглей. Осталось лишь жуткое кровавое пятно в номере убогого мотеля... Чтобы найти Вуди, которому не выжить без должного ухода, Алекс и его друг, детектив Майло Стёрджис, вынуждены погрузиться в подпольный мир больных фантазий и извращенного секса, где за грязные удовольствия платят чем угодно, даже жизнью маленького мальчика...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Саксин С.М., перевод на русский язык,
2020

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-105962-0

*Как всегда, посвящается
Фэй, Джесси и Рейчел,
а теперь еще и Илане*

ГЛАВА 1

Я сидел в зале суда и наблюдал за тем, как Ричард Моуди слушает неблагоприятное для себя решение судьи.

По этому случаю Моуди вырядился в костюм из синтетической ткани шоколадного цвета, канареечно-желтую рубашку, галстук-«шнурок» и сапоги из змеиной кожи. Он корчил гримасы, кусал губу и старался встретиться взглядом с судьей, но та «пересмотрела» его, и он в конечном счете устался на свои руки. Судебный пристав в углу не отрывал взгляда от Моуди. После моего предостережения он старательно следил за тем, чтобы на протяжении всего заседания супруги Моуди держались подальше друг от друга, и даже дошел до того, что обыскал Ричарда.

Судьей была Диана Севир, деловитая, моложавая для своих пятидесяти лет, пепельная блондинка с сильным, но добрым лицом и мягким голосом. Я еще никогда не видел ее в суде, но много о ней слышал. До поступления на юридический факультет Севир работала в системе социального обеспечения и после десяти лет в суде по делам несовершеннолетних и шести лет гражданских и семейных дел была одной из немногих судей, по-настоящему понимавших детей.

ДЖОНАТАН КЕЛЛЕРМАН

— Мистер Моуди, — сказала Севир, — я хочу, чтобы вы очень внимательно выслушали то, что я вам сейчас скажу.

Моуди принял было воинственную позу, расправив плечи и прищурившись, словно готовясь к драке в баре, однако защитник толкнул его в бок, и он расслабился и натянато улыбнулся.

— Я заслушала показания доктора Дашхоффа и доктора Делавэра, оба они опытные специалисты и нередко дают заключения для нашего суда. Я переговорила у себя в кабинете с вашими детьми. Сегодня весь день я наблюдала за вашим поведением и слышала ваши беспочвенные обвинения в адрес миссис Моуди. Я выяснила, что вы дали наставление своим детям сбежать от матери, чтобы вы смогли их спасти. — Помолчав, судья подалась вперед. — Сэр, у вас серьезные проблемы с психикой.

Ухмылка исчезла с лица Моуди так же быстро, как и появилась, однако Севир успела ее заметить.

— Очень жаль, что вы находите это смешным, мистер Моуди, потому что на самом деле все очень печально.

— Ваша честь! — вмешался адвокат Моуди.

Судья остановила его, махнув ручкой с золотым пером и корпусом.

— Не сейчас, мистер Деркин. Сегодня я уже наслушалась достаточно словесной шелухи. Я подвожу итог и хочу, чтобы ваш клиент меня выслушал. — Она повернулась к Моуди. — Возможно, ваши проблемы можно исцелить. Я искренне на это надеюсь. У меня нет никаких сомнений в том, что тут не обойтись без психотерапии — в больших объемах. Возможно, потребуется также лечение. Надеюсь, вы получите всю необходимую медицинскую помощь — это нужно вам и вашим детям. Я постановляю: впредь вам запрещается общаться со своими детьми до тех пор, пока я не получу заключение

АНАЛИЗ КРОВИ

психиатра о том, что вы больше не представляете угрозы для окружающих и себя самого — когда прекратятся угрозы кого-то убить и покончить с собой и вы поймете, что развод — реальность, и сможете помогать миссис Моуди воспитывать детей.

Когда вы достигнете этой точки — а одного только вашего слова, мистер Моуди, будет недостаточно, чтобы меня убедить, — суд обратится к доктору Делавэру с просьбой составить график ограниченных свиданий с детьми, обязательно в присутствии представителей опеки.

Выслушав ее, Моуди резко подался вперед. Судебный пристав мгновенно вскочил с места и бросился к нему. Увидев его, Моуди слабо усмехнулся и опустил плечи. У него по щекам потекли слезы. Достав носовой платок, Деркин протянул его Моуди, после чего заявил протест в связи с посягательством судьи на личную жизнь его клиента.

— Вы вправе подать апелляцию, мистер Деркин, — спокойно промолвила Севир.

— Судья...

Это заговорил Моуди, его бас прозвучал сухо и натянуто.

— В чем дело, мистер Моуди?

— Вы не понимаете... — Он заломил руки. — Мои дети — я же без них жить не могу!

Какое-то мгновение мне казалось, что Севир устроит ему разнос. Однако она посмотрела на него с сочувствием:

— Я вас прекрасно понимаю, сэр. Я понимаю, что вы любите своих детей. Что ваша жизнь разбита вдребезги. Но и *вы* должны понять — в этом вся суть психиатрического обследования, — что дети не могут быть ответственны ни за чью жизнь. Для ребенка это непосильная ноша. Ваши дети не могут воспитывать *вас*, мистер Мо-

уди. Это вам нужно научиться воспитывать их. А в настоящий момент вы на это не способны. Вам требуется помощь.

Моуди начал было что-то говорить, но осекся. Он покачал головой, признавая свое поражение, вернул платок своему адвокату и попытался сохранить хоть какие-то крохи собственного достоинства.

Следующие полчаса ушли на решение имущественных вопросов. Мне было незачем слушать споры о дележе скудного скарба Дарлины и Ричарда Моуди, и я уже собрался уходить, однако Мэл Уорти сказал, что хочет переговорить со мной после окончания заседания.

Когда юридическая абракадабра наконец завершилась, судья Севир сняла очки и объявила об окончании слушаний. Повернувшись ко мне, она улыбнулась:

— Если у вас есть время, доктор Делавэр, я хотела бы побеседовать с вами у меня в кабинете.

Улыбнувшись в ответ, я кивнул. Севир попросила присутствующих очистить зал заседаний.

Деркин вывел Моуди под бдительным взглядом судебного пристава.

Мэл болтал ни о чем с Дарлиной, похлопывая ее по пухлому плечу. Собрав документы, он уложил их в один из двух принесенных в суд чемоданов. Мэл Уорти привык все делать досконально, и если другие адвокаты обходились одним тоненьким портфелем, он же привез целые коробки документов на стальной тележке для багажа.

Бывшая миссис Ричард Моуди с лихорадочно покрасневшимися щеками подняла на него изумленный взгляд и согласно закивала. Свое пышное тело молочницы она втиснула в легкое голубое платье, пенящееся морским прибоем. Такое платье больше подошло бы девушке лет на десять моложе ее, и у меня мелькнула

АНАЛИЗ КРОВИ

мысль, не путает ли она новообретенную свободу с невинностью молодости.

Мэл был облачен в классический наряд адвоката из Беверли-Хиллз: итальянский костюм, шелковая сорочка, галстук и кожаные штилеты с кисточками. Длинные волнистые волосы были уложены по последней моде, бородка подстрижена чуть ли не до самого подбородка. Ногти его сияли, зубы блестели, а кожу покрывал загар, приобретенный на пляжах Малибу. Увидев меня, Мэл подмигнул, помахал рукой и напоследок еще раз хлопнул Дарлину по плечу. После чего схватил ее руку обеими руками и проводил до двери.

— Спасибо за помощь, Алекс, — сказал Мэл, вернувшись. На столе еще оставался ворох бумаг, и он принялся их разбирать.

— Пришлось повозиться, — заметил я.

— Согласен. Все некрасивые дела такие. — Мэл произнес это искренне, однако в его голосе прозвучала смешинка.

— Но ты одержал победу.

Мэл оторвался от бумаг.

— Точно. Ну, знаешь, это ведь мое ремесло. Поединок. — Засучив манжету, он бросил взгляд на тоненький золотой диск. — Не стану утверждать, будто я огорчен тем, что отделал этого индюка Моуди.

— Ты полагаешь, он смирится с поражением? Безропотно сдастся?

— Как знать? — пожал плечами Мэл. — Если не смирится, мы пустим в дело тяжелую артиллерию.

За двести долларов в час.

Мэл уложил чемоданы на тележку.

— Послушай, Алекс, тут все было чисто — иначе я бы тебя не пригласил. Для тех дел, что с душком, у меня полно крутых ребят. Все справедливо, разве не так?

— Да, мы поддерживали правую сторону.

ДЖОНАТАН КЕЛЛЕРМАН

— В самую что ни на есть точку. И я еще раз говорю тебе спасибо. Передай от меня наилучшие пожелания леди в судейской мантии.

— Ты думаешь, они ей нужны? — спросил я.

Усмехнувшись, Мэл хлопнул меня по спине:

— Возможно, ей пришелся по душе твой подход. А девчонка не дурна, а? Кстати, у нее никого нет, ты знаешь?

— Старая дева?

— Нет, черт возьми. Разведена. Я вел ее дело.

Кабинет судьи Севир был отделан красным деревом и наполнен ароматом свежих цветов. Она сидела за резным деревянным письменным столом, накрытым стеклом, на котором стояла хрустальная ваза с гладиолусами. На стене у нее за спиной висели фотографии двух нескладных мальчишек-подростков — в футболках, гидрокостюмах, пиджаках и галстуках.

— Моя ужасная пара, — сказала Севир, проследив за моим взглядом. — Один в Стэнфордском университете, другой торгует дровами в Эрроухэде. Вы никому не расскажете, а, доктор Делавэр?

— Никому.

— Пожалуйста, садитесь. — Севир указала на обтянутый бархатом диван. Когда я сел, она сказала: — Извините, если была с вами чересчур резка.

— Ничего страшного.

— Я хотела выяснить, что говорит о психическом состоянии мистера Моуди тот факт, что он носит женское нижнее белье, а вы не дали прижать себя к стенке.

— На мой взгляд, его выбор нижнего белья не имел никакого отношения к праву на опеку.

Севир рассмеялась:

— Мне приходится иметь дело с экспертами-психологами двух типов. Напыщенные самопровозглашенные знаменитости, которые настолько уверены в себе,

АНАЛИЗ КРОВИ

что считают свое мнение по любому вопросу священным и неприкосновенным, и осторожные вроде вас, которые высказывают суждение только тогда, когда оно тщательно проверено и подтверждено.

— По крайней мере защиту «Твинки»¹ от меня вы не получите, — пожал плечами я.

— Не в бровь, а в глаз. Как насчет красного вина?

Открыв дверцу шкафчика в тон столу, Севир достала бутылку и два бокала на длинных ножках.

— С удовольствием, ваша честь.

— Здесь я Диана. А вас звать Александр?

— Можно просто Алекс.

Она наполнила бокалы.

— Это замечательное каберне я держу для того, чтобы отмечать окончание особенно противных дел. Если хотите, заряд позитивной энергии.

Я взял предложенный бокал.

— За правосудие! — сказала Севир, и мы пригубили вино.

Вино оказалось замечательным, и я высказал это вслух. Похоже, Севир это порадовало.

Какое-то время мы пили молча. Севир закончила первой и поставила бокал на стол.

— Я хочу поговорить с вами о семействе Моуди. Дело закончено, но у меня из головы не выходят дети. Я ознакомилась с вашим отчетом. Вы хорошо поработали.

¹ «Твинки» — марка бисквитных пирожных с кремовой начинкой. В 1979 г. в ходе суда над убийцей известного американского политика Харви Милка защита утверждала, что подзащитного (прежде являвшегося сторонником здорового питания) вывело из душевного равновесия, помимо прочих, более серьезных факторов, употребление в последнее время нездоровой пищи, включая эти пирожные. В прессе упоминание выпечки было представлено как основной аргумент защиты и возмутило граждан, и с тех пор защитой «Твинки» часто называют ходы в судебном разбирательстве, для которых характерна заведомая недобросовестность на грани абсурда.

ДЖОНАТАН КЕЛЛЕРМАН

— Не сразу, но эти люди открылись передо мной.

— Алекс, как вы думаете, детям будет хорошо?

— Я задавал себе этот же самый вопрос. Мне очень хотелось бы ответить вам «да». Все зависит от того, как поведут себя родители.

Сефир постучала ногтями по краю бокала.

— Вы думаете, он ее убьет?

Этот вопрос застал меня врасплох.

— Только не говорите, что эта мысль не приходила вам в голову — вы же предупредили судебного пристава и все такое.

— На самом деле я хотел избежать неприятной сцены, — сказал я. — Но соглашусь: да, я думаю, Моуди способен на такое. Он в глубокой депрессии, выведен из равновесия. Когда ему плохо, ведет он себя отвратительно, а так плохо ему еще никогда не было.

— И он носит женские трусики.

— И это тоже, — рассмеялся я.

— Еще вина?

— Конечно.

Поставив бутылку, Сефир обвила пальцами ножку бокала — угловатая, привлекательная женщина в годах, не боящаяся показать свои немногочисленные морщины.

— Полный неудачник этот наш мистер Ричард Моуди. И, возможно, убийца.

— Если его охватит жажда кого-нибудь убить, самой очевидной жертвой станет его бывшая жена. И ее приятель — Конли.

— Ну, — сказала Сефир, проводя кончиком языка по губам, — к таким вещам нужно относиться философски. Если он ее убьет, то потому, что она трахалась с другим. Тут главное, чтобы Моуди не убил невинного человека вроде нас с вами.

Трудно было понять, говорит ли она это серьезно.

АНАЛИЗ КРОВИ

— Я часто думаю об этом, — продолжала Севир. — Какой-нибудь свихнувшийся неудачник возвращается и вымещает все свои беды на мне. Неудачники упорно не желают взять на себя ответственность за свою жалкую, никчемную жизнь. Вас это никогда не беспокоило?

— Если честно, нет. Когда я работал в клинике, большинство моих пациентов были милые дети из милых семей — никаких намеков на кровавую бойню. А последние два года я отошел от дел.

— Знаю. Я обратила внимание на пробел в вашем резюме. Работа в серьезном заведении, затем пустота. Это случилось до событий в Каса де Лос Ниньос или после?

Меня несколько не удивило, что ей это известно. Хотя с тех пор прошло уже больше года, заголовки были кричащими, и люди не забыли. У меня осталось свое личное напоминание — восстановленная из обломков челюсть, ноющая к перемене погоды.

— За полгода до того. А потом у меня уже больше не было особого желания снова окунуться во все это.

— Не понравилось быть героем?

— Я даже не знаю, что означает это слово.

— Охотно верю. — Смерив меня оценивающим взглядом, Севир поправила полу мантии. — И вот теперь вы занимаетесь криминалистическими расследованиями.

— В ограниченном объеме. Я соглашаюсь давать консультации только тем прокурорам, которых лично знаю, что существенно сужает поле деятельности. Иногда ко мне напрямую обращаются судьи.

— Кто именно?

— Джордж Ландр, Ральф Сигел.

— Оба отличные ребята. С Джорджем я училась на юрфаке. Заказы вам нужны?

— Вообще-то я за работой не гонюсь. Если ко мне обратятся — замечательно. Если нет — я всегда найду, чем заняться.